

Проспер Мериме - Маттео Фальконе

Аннотация

Новелла удивительного французского писателя Проспера Мериме может показаться шокирующей.

Произведение в полной мере раскрывает нравы, моральные принципы и понятие о чести, царящие в былые времена на Корсике.

В центре сюжета семья уважаемого и зажиточного землевладельца, который однажды вернулся домой и обнаружил, что его сын проявил малодушие и совершил предательство ради личной наживы. В глазах отца сын нарушил святые законы гостеприимства, а такой позор смывается только кровью. Как поступит с любимым отпрыском Маттео Фальконе читать невероятно интересно, а финал вызовет неоднозначное отношение.

К северо-западу от Портовекио, по направлению в глубь острова, поверхность быстро начинает подниматься, и после трех часов ходьбы по извилистым тропинкам, загроможденным большими обломками скал и иногда пересекаемым оврагами, доходишь наконец до края обширного маки. Маки — отечество корсиканских пастухов и всех тех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец. Желая избавить себя от труда унаваживать свое поле, выжигает лес на некотором пространстве; не беда, если пламя распространится дальше, чем нужно; что бы ни случилось, он уверен, что получит хороший урожай на этой земле, удобренной пеплом деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как ее трудно снимать), корни деревьев, сохранившиеся в земле нетронутыми, выпускают следующей весной частые побеги, которые через несколько лет достигают высоты семи или восьми футов. Эти густые заросли и называются маки. Деревья и кусты разной породы растут там, перемешиваясь и цепляясь друг за друга, как угодно богу. Только с топором в руке человек может проложить себе путь, и часто встречаются маки столь густые и непролазные, что даже муфлоны не могут пробраться сквозь них.

Если вы убили человека, бегите в маки Портовекио, — и вы проживете там в полной безопасности, имея при себе хорошее ружье, порох и нули: не забудьте захватить с собой коричневый плащ с капюшоном [pilone], который будет служить вам и одеялом и матрацем. Пастухи дадут вам молока, сыра и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родных убитого до тех пор, пока не понадобится спуститься в город, чтобы возобновить запас пороха.

Маттео Фальконе жил., в полумиле от этого маки, когда я был на Корсике, в 18.. году. Это был человек довольно богатый для тех мест; он жил благородно, то есть ничего не делая, на доходы от своих огромных стад, .которых пастухи- кочевники пасли там и сям по кряжу. Когда я видел его два года спустя после того происшествия, о котором хочу вам рассказать, ему было на вид не больше пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с курчавыми волосами, черными, как смоль, орлиным носом, тонкими губами, большими и живыми глазами и лицом цвета дубленой кожи. Его искусство в стрельбе прослыло необычайным даже в стране, где так много хороших стрелков. Так, например, Маттео никогда не стрелял в муфлона дробью, но на сто двадцать шагов бил его пулей в голову или плечо по своему желанию. Ночью он владел оружием столь же свободно, как и днем, и мне приводили такой пример его ловкости, который может показаться невероятным тому, кто не путешествовал по Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставилась зажженная свеча позади куска прозрачной бумаги величиной, с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, и через минуту в совершенной темноте он стрелял, пробивая бумагу три раза из четырех. Благодаря своему высокому искусству Маттео Фальконе приобрел большую славу. Он считался таким же хорошим, другом, как и опасным врагом; впрочем, охотно оказывая услуги и помогая бедным, он жил в мире со всеми в округе Портовекио. Но о нем рассказывали, что в Кортэ, откуда он взял себе жену, он жестоко разделался с соперником, слывшим за человека опасного как на войне, так и в любви: по крайней мере, Маттео приписывали некий ружейный выстрел, который неожиданно поразил его соперника, когда тот брился перед зеркалом, повешенным на наличнике окна. Когда это дело заглохло, Маттео женился. Его жена Джузеппа подарила ему сначала трех дочерей (что приводило его в бешенство) и, наконец, сына, которого он

назвал Фортунато — надежду семьи и наследника имени. Дочери были удачно выданы замуж: отец мог рассчитывать при нужде на кинжалы и карабины зятьев. Сыну исполнилось только десять лет, но он уже обнаруживал счастливые наклонности.

Однажды осенью Маттео вышел из дому с женой рано утром, чтобы пойти поглядеть на свои стада, пасущиеся на прогалине маки. Маленький Фортунато хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, и, кроме того, нужно было кому-нибудь остаться смотреть за домом; отец поэтому не взял его с собой. Дальше будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Уже прошло несколько часов, как Маттео ушел, и маленький Фортунато спокойно лежал на солнце, глядя на голубые горы и мечтая, что в будущее воскресенье он пойдет обедать в город к своему дяде сарогаle, как вдруг его размышления, были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в ту сторону, откуда раздался этот звук. Новые выстрелы последовали друг за другом через, неравные промежутки времени и слышались все ближе и ближе; наконец на тропинке, идущей от равнины к дому Маттео, показался человек в остроконечной шапке, какие носят горцы, бородатый, покрытый лохмотьями; он с трудом двигался, опираясь на ружье. Пуля только что попала ему в бедро.

Этот человек был бандит [бандит — здесь в смысле скрывающийся преступник], который, отправившись ночью в город за порохом, по дороге попал в засаду корсиканских вольтижеров [вольтижеры — отряд, набранный правительством для того, чтобы вместе с жандармерией поддерживать полицию]. После отчаянной защиты ему удалось убежать от преследователей и их выстрелов, перебираясь с одной скалы на другую. Но он слишком мало опередил солдат, и рана лишала его возможности добежать до маки прежде, чем они его настигнут.

Он подошел к Фортунато и сказал ему:

— Ты сын Маттео Фальконе?

— Да.

— Я Джанетто Санпьеро. За мной гонятся Желтые воротники [В то время вольтижеры носили коричневые мундиры с желтыми воротниками. Прим. авт.]. Спрячь меня, потому что я не могу дальше идти.

— А что скажет отец, если я спрячу тебя без его позволения?

— Он скажет, что ты сделал хорошо.

— Как знать?

— Спрячь меня скорее; они идут.

— погоди, пока вернется отец.

— Ждать? Проклятие! Они будут здесь через пять минут. Спрячь же меня, или я тебя убью.

Фортунато ответил ему с большим хладнокровием:

— Твое ружье разряжено, и в твоей sarchiera [Кожаный пояс, заменяющий собой патронташ и сумку] нет больше патронов.

— У меня есть стилет.

— А разве ты можешь догнать меня?

Одним прыжком он очутился вне опасности.

— Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь взять меня перед твоим домом?

Мальчик почувствовал жалость.

— Что ты мне дашь, если я тебя спрячу? — сказал он приближаясь.

Бандит полез в кожаный мешок, висевший у него па поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, очевидно, приберег, чтобы купить себе пороху. Фортунато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил ее и сказал Джанетто:

— Не бойся ничего.

Тотчас же он проделал дыру в копне сена, стоявшей около дома. Джанетто влез туда, и мальчик закрыл его сеном, оставив небольшое отверстие для воздуха, но так, чтобы нельзя было подумать, что в копне спрятан человек. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал еще такую уловку. Он притащил кошку с котятками и бросил ее на сено, чтобы казалось, будто бы его давно уже не трогали. Затем, заметив следы крови на

тропинке около дома, он заботливо засыпал их землей и, сделав это, лег на солнце с полным спокойствием. Несколько минут спустя шестеро людей в коричневой форме с желтыми воротниками, под начальством сержанта, у Же стояли перед домом Маттео.

Этот сержант был дальним родственником Фальконе (известно, что на Корсике считаются родством гораздо тщательнее, чем в других странах). Его звали Теодоро Гамба. Это был человек очень деятельный, гроза всех бандитов, так как он изловил уже многих из них.

— Здравствуй, племянничек, — сказал он Фортунато, подходя к нему. — Как ты вырос! Не видал ли тут сейчас человека?

— О, я еще не такой большой, как вы, дядя, — ответил мальчик с наивным видом.

— Когда-нибудь вырастешь. Но скажи-ка, не видел ли ты тут человека?

— Не видел ли я человека?

— Да, человека в остроконечной черной бархатной шапке и в куртке, вышитой красным и желтым.

— Человека в высокой шапке и куртке, вышитой красным и Желтым?

— Да, да, отвечай скорее и не повторяй моих вопросов.

— Сегодня утром проезжал мимо ворот священник на своей лошади Пьеро. Он спросил, как побивает папа, и я сказал...

— Ах, обманщик! Ты хитришь! Говори скорей, куда девался Джанетто; мы его ищем, и я знаю наверное, что он прошел здесь.

— Почему знать!

— Как почему знать? Я знаю, что ты его видел.

— Разве видишь кого-нибудь, когда спишь?

— Ты не спал, плут: ружейные выстрелы тебя разбудили.

— Вы, значит, думаете, что ваши ружья так уж громко стреляют? Папин карабин хлопает погромче.

— Черт тебя возьми, проклятый мальчишка! Я уверен, что ты видел Джанетто. Может быть, ты даже спрятал его. Товарищи, входите в дом, поищите там нашего человека. Он мог ступать только одной лапой, а у него дядя достаточно разума, чтобы не пытаться дойти до маки, хромая. Кроме того, следы крови кончаются здесь.

— А что скажет папа, — спросил Фортунато насмешливо, — когда он узнает, что без него входили в наш дом?—

— Мошенник! — сказал сержант Гамба, беря его за ухо. — Стоит мне захотеть, и ты у меня запоешь по-иному! Пожалуй, если тебе дать двадцать ударов саблей плашмя, ты скажешь, наконец, правду!

Фортунато продолжал улыбаться.

— Мой отец — Маттео Фальконе! — сказал он с ударением.

— Знаешь ли ты, плут, что я могу увести тебя в Кorte или Бастию? Я велю посадить тебя в тюрьму, бросить на солому, надеть на тебя кандалы и отрубить тебе голову, если ты не скажешь, где Джанетто Санпьеро.

Мальчик разразился хохотом, услышав такую смешную угрозу. Он повторил:

— Мой отец — Маттео Фальконе.

— Сержант, — сказал тихо один из вольтижеров, — не будем ссориться с Маттео.

Гамба был явно в замешательстве. Он тихо советовался с солдатами, которые уже осмотрели весь дом. Это не потребовало много времени, потому что жилище всякого корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Вся обстановка ее — стол, лавки, сундуки да принадлежности охоты и хозяйства. Маленький Фортунато тем временем гладил свою кошку и, казалось, лукаво радовался смущению дядюшки и солдат.

Один вольтижер подошел к копне сена. Он увидел кошку и небрежно ткнул штыком в сено, пожимая плечами, как если бы сознавал, что его предосторожность смешна. Ничто не пошевелилось, и лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд потеряли всякое терпение; они уже стали внимательно поглядывать в сторону равнины, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, как вдруг их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого действия на сына Фальконе, решил сделать последнюю попытку — подкупить его лаской и подарками.

— Племянник. — сказал он, — ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдешь далеко. Но ты играешь со мной в дурную игру, и если бы не боялся огорчить моего родственника Маттео клянусь дьяволом, я увел бы тебя с собой!

— Ба!

— Но когда Маттео вернется, я расскажу ему все, и за твою ложь он выпорот тебя до крови.

— Вы так думаете?

— Вот увидишь... Но слушай: будь хорошим мальчиком, и я тебе кое-что дам.

— А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете еще медлить, Джанетто убежит в маки, и тогда понадобится еще несколько таких молодцов, как вы, чтобы его поймать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, как у маленького Фортунато при виде их заблестели глаза, сказал ему, держа часы за кончик стальной цепочки.

— Плутиска! Тебе бы, наверное, хотелось носить такие часы на груди; ты гулял бы по улицам Портовекио гордо, как павлин, и когда люди спрашивали бы у тебя: «Который час?» — ты отвечал бы им: «Поглядите на мои часы».

— Когда я буду большой, мой дядя капрал подарит мне часы.

— Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые... А между тем, он меньше тебя. Мальчик вздохнул.

— Ну, что же, хочешь получить часы, племянничек?

Фортунато поглядел на них уголком глаза, как кошка, которой показывают целого цыпленка. Понимая, что ее только дразнят, она не смеет схватить его когтями и время от времени отводит глаза, чтобы не впасть в искушение, ежеминутно облизываясь и всем своим видом как бы говоря хозяину: «Как жестока ваша шутка! Однако сержант Гамба, казалось, действительно собирался подарить ему часы, Фортунато не протянул руки и только сказал с горькой улыбкой:

— Зачем вы смеетесь надо мной?

— Ей-богу, я не смеюсь! Скажи мне только, где Джанетто, и часы будут твоими.

По лицу Фортунато пробежала улыбка недоверия, и, уставив свои черные глаза в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно поверить его словам.

— Клянусь эполетами, — вскричал сержант, — я дам тебе часы за это! Солдаты — свидетели; я не могу отказаться от слова.

Говоря так, он все ближе подносил часы к лицу Фортунато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. На лице того ясно выражалась борьба, происходившая в его душе, между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась, и он почти задыхался. Между тем, часы покачивались перед ним и вертелись, несколько раз задев кончик его носа. Наконец мало-помалу его рука стала подниматься к часам: кончики пальцев коснулись их, и вслед за тем он забрал их целиком в руку; однако сержант крепко держал конец цепочки... Циферблат был голубой... луковица только что вычищена... она горела на солнце, как огонь... Искушение было слишком велико...

Фортунато поднял затем левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, у которой он стоял прислонившись. Сержант тотчас же понял его. Он отпустил свой конец цепочки, и Фортунато сделался единственным обладателем часов. Он прыгнул с легкостью лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижеры тотчас же стали раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из него, но когда он попробовал подняться на ноги, его рана не позволила ему этого, и он упал. Сержант бросился на него и вырвал у него стилет. Тотчас же его крепко скрутили, несмотря на сопротивление.

Джанетто, лежа на земле, связанный, как охапка хвороста, повернул голову к Фортунато, который подошел к

нему.

— ...сын! — сказал он ему более с презрением, чем с гневом.

Мальчик бросил ему назад серебряную монету, сознавая, что больше ее не заслуживает, но преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С большим хладнокровием он сказал сержанту:

— Дорогой Гамба, я не могу идти; вам придется нести меня в город.

— Ты только что бежал быстрее козы, — ответил Жестокий победитель. — Но будь покоен: от радости, что я, наконец, поймал тебя, я готов сам нести тебя целую милю на спине, не чувствуя усталости. Мы сделаем, мой друг, для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи достанем лошадей.

— Ладно, — сказал арестованный, — только положите немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее. Пока вольтижеры были заняты: одни — делая носилки из веток каштанового дерева, другие — перевязывая рану Джанетто, на повороте тропинки, идущей в маки, вдруг появился Маттео Фальконе с женой. Жена подвигалась, низко согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шел налегке, неся одно ружье в руках, а другое на перевязи, ибо мужчине не подобает таскать какую-либо тяжесть, кроме оружия.

При виде солдат первой мыслью Маттео было, что они пришли его арестовать. Но откуда эта мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с полицией? Нет. Он пользовался доброй славой. Он был, как говорится, личностью с хорошей репутацией; но он был корсиканцем и горцем, а не многие из корсиканских горцев, если напрягут свою память, не припомнят за собой в прошлом какого-нибудь грешка — ружейного выстрела, удара кинжалом или иной подобной безделицы. У Маттео, более чем у кого другого, совесть была чиста, ибо вот уже десять лет с лишним, как его ружье не было направлено на человека; но все-таки он был осторожен и приготовился стойко защищаться, если понадобится.

— Жена, — сказал он Джузеппе, — положи на землю мешок и держись наготове.

Она повиновалась тотчас же. Он передал ей ружье, которое висело у него на перевязи и могло ему помешать. Другое ружье он зарядил и медленно направился к дому, держась поближе к придорожным деревьям, готовый при первом враждебном действии укрыться за самый толстый ствол и стрелять из-за прикрытия. Жена шла за ним по пятам, держа запасное ружье и патронташ. Роль хорошей хозяйки во время боя заключается в том, что она должна и заряжать ружья для своего мужа.

С другой стороны, и сержант почувствовал себя неприятно, увидев Маттео, приближающегося тихими шагами, с ружьем наготове и пальцем на курке.

«А что, — подумал он, — если Маттео окажется родственником Джанетто или другом и пожелает его защищать? Тогда пули его двух ружей получат двое из нас также верно, как письма с почты. А вдруг он прицелится в меня, не посмотрев на наше родство!...»

В таком сомнении он принял, наконец, мужественное решение пойти самому навстречу Маттео и рассказать ему о случившемся, обращаясь к нему как к старому знакомому. Но короткое расстояние, отделявшее его от Маттео, показалось ему ужасно длинным.

— Хо-хо! Эй! Старый приятель, — закричал он, — как поживаешь? Это я. Гамба, твой кузен.

Маттео, не отвечая ни слова, остановился и, по мере того, как тот говорил, тихо подымал дуло ружья, так что оно оказалось направленным в небо, когда сержант приблизился к нему.

— Добрый день, брат, — сказал сержант, протягивая ему руку. — Давно мы с тобой не виделись.

— Добрый день, брат.

— Я зашел мимоходом навестить тебя и кузину Пепу. Нам была сегодня большая гонка; но нечего баловаться на усталость: мы поймали крупную птицу. Мы только что сцапали Джанетто Санпьери.

— Слава тебе, господи! — вскричала Джузеппа. — Он у нас украл дойную козу на прошлой неделе.

Эти слова обрадовали Гамбу.

— Бедняга! — отозвался Маттео: — Ему хотелось есть.

— Он защищался, как лев. — продолжал сержант, некоего обиженный, — он убил у нас одного солдата и, мало того, еще перебил руку капралу Шардену; но это, впрочем, небольшая беда: ведь Шарден — француз... А потом он так хорошо запрятался, что никакой дьявол не сыскал бы его. Не будь твоего маленького Фортунато,

я никогда бы его не нашел.

— Фортунато! — вскричал Маттео.

— Фортунато! — повторила Джузеппа.

— Да! Джанетто спрятался в этой копне сена; но мой племянничек раскрыл эту хитрость. Я скажу его дяде капралу, чтобы он прислал ему за это какой-нибудь подарок. И его и твое имя будет в рапорте, который я пошлю главному судье.

— Проклятие! — тихо произнес Маттео.

Они подошли к дому. Джанетто лежал уже на носилках; его готовились нести. Когда он увидел Маттео рядом с Гамбой, он странно улыбнулся, затем, повернувшись к дому, плюнул на порог и сказал:

— Дом изменника!

Только человек, обреченный на смерть, мог назвать изменником Фальконе. Удар кинжалом, не нуждающийся в повторении, немедленно заплатил бы всякому другому за оскорбление. Однако Маттео только поднес руку ко лбу как человек, подавленный происшедшим.

Фортунато ушел в дом, когда увидел отца. Он вскоре вернулся с кувшином молока и подал его Джанетто, потупив глаза,

— Прочь от меня! — закричал арестованный страшным голосом. Затем, обернувшись к одному из солдат, сказал: «Товарищ, дай мне напиток».

Солдат дал ему в руки свою флягу, и бандит выпил воды, которую принял от человека, только что обменивавшегося с ним ружейными выстрелами. Затем он попросил, чтобы ему завязали руки на груди, а не за спиной.

— Я люблю, — сказал он, — лежать удобно.

Его желание охотно исполнили. Сержант дал знак к выступлению, простился с Маттео, который ему не ответил, и быстрым шагом стал спускаться в равнину.

Прошло около десяти минут, прежде чем Маттео произнес слово. Мальчик поглядывал беспокойно то на мать, то на отца, который, опершись на ружье, смотрел на него с выражением сдержанного гнева.

— Хорошо начинаешь! — сказал, наконец, Маттео голосом спокойным, но страшным для всякого, кто его знал.

— Отец! — вскричал мальчик, подбегая со слезами на глазах, готовый броситься на колени.

Но Маттео закричал:

— Прочь от меня!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Джузеппа подошла к ним. Она только что заметила кончик цепочки, торчавший из-под рубашки Фортунат.

— Кто дал тебе эти часы? — спросила она строго.

— Мой дядя сержант.

Фальконе схватил часы и, бросив с силой о камень, разбил их вдребезги.

— Жена, — сказал он, — мой ли это ребенок?

Смуглые щеки Джузеппы стали красны, как кирпич.

— Что ты говоришь, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

— Значит, этот мальчик — первый из нашего рода, кто совершил измену.

Рыдания Фортунат усилились, а рысьи глаза Фальконе продолжали пристально смотреть на него. Наконец он ударил о землю прикладом ружья, потом взбросил его на плечо и пошел по дороге к маки, крикнув Фортунато, чтобы он шел за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа побежала за Маттео и схватила его руку.

— Ведь это — твой сын, — сказала она дрожащим голосом, уставив свои черные глаза в глаза мужа, как будто желая прочесть в его душе.

— Оставь меня! — ответил Маттео. — Я его отец!

Джузеппа обняла сына и, плача, вернулась домой. Она бросилась на колени перед образом богородицы и стала горячо молиться. Между тем, Фальконе прошел шагов двести по тропинке и остановился у маленького оврага,

куда она спускалась. Он попробовал землю прикладом ружья; она была мягка, и ее легко можно было раскопать. Место показалось ему подходящим для исполнения его замысла.

— Фортунато, стань около того большого камня!

Мальчик сделал, что ему приказали, затем стал на колени.

— Читай молитву!

— Отец, отец, не убивай меня!

— Читай молитвы! — повторил Маттео страшным голосом.

Ребенок, запинаясь и рыдая, прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец твердым голосом произносил «аминь» после каждой из них.

— Это все молитвы, которые ты знаешь?

— Отец, я знаю еще «Ave Maria» и литанию, которой научила меня тетка.

— Она очень длинна, но все равно — читай.

Мальчик кончал слабым голосом литанию.

— Ты кончил?

— О, отец, смилуйся! Прости меня! Я не буду никогда больше этого делать! Я попрошу у дяди капрала помилования для Джанетто!

Он говорил еще что-то. Маттео схватил ружье и, прицелившись, сказал:

— Да простит тебя бог!

Мальчик сделал отчаянное усилие подняться, чтобы припасть к коленям отца, но было узко поздно. Маттео выстрелил, и Фортунато упал мертвый.

Не бросив даже взгляда на труп, Маттео направился к дому, чтобы взять лопату и закопать сына. Едва он сделал несколько шагов, как встретил Джузеппу, которая бежала, встревоженная выстрелом.

— Что ты сделал? — вскричала она.

— Совершил правосудие.

— Где он?

В овраге: я сейчас его похороню. Он умер христианином; я закажу мессу. Надо сказать зятю Теодоро Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.